

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 281.93; 261.7

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА

Участники круглого стола обсуждают несколько внутренне связанных между собой вопросов. Как можно оценить отношения православной церкви и общества в России на современном этапе? Чем обусловлены препятствия для диалога между церковью и другими социальными группами в современной России? Нужен ли такой диалог современному российскому обществу и возможен ли он? Какова реальная и возможная роль научной интеллигенции в формировании нейтрального пространства для такого диалога? Участники ведут обсуждение в разных аспектах. Рассматривается история взаимоотношений церкви и общества, проблемы этих взаимоотношений на современном этапе, роль церкви в жизни современного российского общества, проблемы диалога между церковью и атеистами. Затронуты животрепещущие проблемы участия церкви в образовании и воспитании молодежи, вопросы влияния церкви на процессы культурного развития. Подняты острые вопросы борьбы православной церкви с религиозным экстремизмом, опасность влияния которого, особенно на молодежь, часто недооценивается. В конечном итоге возникает многомерная картина взаимоотношений между институтом церкви и гражданским обществом, представленным различными социальными группами.

Ключевые слова: глобализация, православная церковь, гражданское общество, религиозные движения, интеллигенция.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-156-179

Круглый стол «Церковь и общество в современной России: возможность диалога», организованный редакцией журнала «Идеи и Идеалы», состоялся в Новосибирской областной научной библиотеке 14 июня 2016 года.

В дискуссии участвовали* *О.А. Донских (ведущий), В.А. Данилов, П.А. Зайцев, П.В. Кайгородов, Е.В. Кузьмина, Н.В. Макарова, С.Н. Оводов, о. Иоанн (П.А. Реморов), о. Платон (С.В. Романов), Д.А. Цытлаков, А.А. Штуден, С.П. Исаков.*

Свои ответы прислали *Г.Н. Миненко и В.П. Кузин.*

Донских Олег Альбертович. Я очень благодарен всем, кто сегодня пришел, и особенно тем, кто приехал из Омска. Огромная благодарность Павлу Леонидовичу Зайцеву. Я давно хотел провести этот круглый стол, и для меня важно, чтобы в нем приняли участие люди, которые

с этой проблемой реально сталкиваются и о ней думают. Первый вопрос, с которого хочу начать обсуждение: как можно оценить отношения церкви и общества сегодня в России? Вопрос сформулирован просто, но на самом деле он очень сложный и имеет давнюю историю. У нас часто иде-

* Сведения об участниках см. в разделе «Наши авторы».

ализируют отношения церкви и общества в XIX веке, в XVIII веке, но я считаю, что это больше от безграмотности и незнания. Достаточно почитать того же Лескова и других авторов, которые реально знали ситуацию. Можно напомнить, с каким трудом проводился диалог, в котором принимали участие Розанов и Мережковский со стороны интеллигенции нашей и Сергей Страгородский, тогда епископ, только что вернувшийся из Японии (написавший, кстати, замечательные воспоминания). Сколько было вокруг этого разных кипений и провокаций! Потом чудовищные события 1917 года, судьба Патриарха Тихона, судьба вообще высшего церковного руководства... В 1943 году – некоторое послабление, открыто до 20 тысяч приходов. Причем все это под лозунги «Общества воинствующих безбожников» о том, что никогда не было такой свободы религии, как в СССР, потому что только здесь появилась реальная свобода... Какое-то умопомрачительное расхождение между тем, что было в реальности, и что преподавалось. И вот вроде бы появилась возможность нормального сосуществования. Ведь в Новосибирске, миллионном городе, долгое время была *одна* церковь, и то рядом с ней появился цирк, который строили на протяжении 20 лет, и построили специально ведь, чтобы унизить эту церковь. И единственное, что ей разрешили, – это немного расшириться внутри. А сейчас в Новосибирске несколько десятков церквей. Президент и премьер крестятся, стоят на Пасхальной службе, но тем не менее мы все ощущаем, что не всё так благополучно. Поэтому и хотелось начать с вопроса о том, как вы оцениваете взаимоотношения между гражданским обществом и церковью на современном этапе развития?

Зайцев Павел Леонидович. Спасибо большое за приглашение, за возможность приехать и обсудить этот вопрос. Церковь и гражданское общество находятся в отношениях, которые можно и должно исследовать, тем более что прообразом гражданского общества в современном его смысле была приходская община. Нам необходимо учитывать, что сегодня и церковь, и общество находятся в стремительно глобализирующемся мире. Процессы же глобализации находятся в зависимости от идеологии неолиберализма; по сути то, что мы называем глобализацией, есть не что иное, как всемирная экспансия неолиберализма.

В ноябре 2012 года состоялось выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совещании «Геология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества», в ходе которого им была рассмотрена проблема религии в постсекулярном обществе. Рассмотрена вслед за Юргеном Хабермасом, предполагавшим, что секулярный проект Просвещения, предполагавший освобождение общества от религии, исчерпан, причем прежде всего в тех областях, с которых он начался: в философии, медицине и образовании. По этому поводу состоялась известная дискуссия Хабермаса с Папой Бенедиктом XVI (Йозефом Ратцингером). Возможность конструктивного публичного диалога между Папой и крупнейшим представителем франкфуртской философской школы на Западе, патриархом и представителями университетской теологии у нас в России позволяла надеяться на его дальнейшую активизацию, полифонию знания и веры. Пусть есть всё еще секулярное большинство и религиозное меньшинство, но есть и общее пространство диалога. Но с каким трудом складывается это общее пространство!

В Омском государственном университете мы более 20 лет учим теологов. Кому как не нам знать, что из себя представляет посредническо-представительская деятельность, к которой мы готовим наших выпускников? Тем отчетливее изнутри мы видим, что широкое пространство диалога не складывается. Для меня главным является вопрос: Почему? Ответ у меня один. Потому что процессы глобализации связаны именно с идеологией неолиберализма. И здесь небольшая отсылка к тому, что она из себя представляет. Неолиберализм предполагает гибкость, и гибкость прежде всего рынка труда. Об этом хорошо написал Гай Стэндинг, его работа «Прекариат: новый опасный класс» была переведена в 2014 году. Прекариат есть порождение неолиберальных экономических практик. Когда мы ориентированы на гибкость (например, гибкость, связанную со знаниями), мы начинаем постоянно переучиваться, повышать свою квалификацию, проходить постоянную переподготовку, ведь знания устаревают. При этом размывается наша профессиональная идентичность: сегодняшней преподаватель вуза практически любой специальности еще и историк, и философ, и т. д. Так мы соотносимся с классом, который наполняется мигрантами, стажерами, фрилансерами, работниками креативных индустрий – т. е. людьми, которые работают здесь и сейчас, у которых нет устойчивых гарантий, которые часто работают за разовое денежное вознаграждение, не ориентируясь на будущую пенсию, и т. п. Здесь и сейчас они находятся. Это целый класс. И он крайне активен. И у этого класса, идеологией которого считается гибкость, всё, что не гибкое, подвергается критике. Всё, что не гибкое, – это плохо. Семья, например, – не гибкое, значит, устарела,

это плохо. Так, на прекариат очень хорошо накладывается идея Childfree («без детей»): человек выстраивает свою жизненную траекторию, где дети «не участвуют». И так, семья воспринимается прекариатом критически; политика, если нужно не митинговать, а голосовать, – тоже. И, конечно, религия в силу своей устойчивости, традиционности, негибкости. Встает вопрос: Что делать? Формируется новая социальная общность, космополитичная по своей сути. Эти процессы проходят сквозь нас, и мы мало можем на это влиять. Однако, если вспомнить еще работу Лумана о дифференциации, то одна из основных идей – всякая подсистема общения создает свой дискурс – состоит из него и определяется этим дискурсом. Прекариат определяется дискурсом критики всего, что устойчиво. Единственный способ решить эту проблему – это участвовать в нескольких дискурсах, в том числе отставив возможность полифонии веры и разума. И тогда ситуация изменится.

Данилов Вячеслав Леонидович. Вопрос в том, как мы оцениваем отношения церкви и общества на современном этапе. Понятно, что отношения эти далеко не идеальные. Можно даже сказать, что общество зачастую чрезвычайно враждебно относится к церкви. По сути, такое отношение – своеобразное наследие предыдущей эпохи. Еще в 1990-е годы в России сформировалось законодательство, которое и привело к таким отношениям. Наше законодательство в сфере религии, с одной стороны, чрезвычайно либеральное, и этот либерализм заключается в том, что православие уже давно не является государственным вероисповеданием. Вспоминается время так называемой царской России, когда именно православие было ведущим вероисповеданием в нашей стране. В 1905 году

император Николай II своим указом уравнял в правах все религии в стране, чем вызвал негодование русской православной церкви. «Толерантное» отношение государства к религии в итоге привело к появлению в России на рубеже 1980–1990-х годов так называемых «новых религиозных движений», большинство из которых практически сразу же противопоставили себя всему традиционному. В этой связи можно говорить о том, что впоследствии формируется определенная прослойка «верующих», искренне считающих, что всё традиционное – это уже отжившее, что обязательно должно быть что-то новое. В качестве примера можно привести движение NewAge, которое заявляет о том, что мы живем в переходный период: эра христианства подходит к концу, и начинается новая эпоха. По сути дела идет отрицание базовых, традиционных ценностей. Отсюда, в частности, вытекает и негативное отношение к церкви как к институту традиционному.

Помимо новых религиозных движений, которые отрицают традиционность и нагнетают взаимоотношения между церковью и обществом, мы не можем не отметить и радикализацию идей, в том числе религиозных, которая происходит в нашем обществе. Этот процесс опасен тем, что его острота опять же направлена против всего традиционного, в том числе и против традиционных религий – православия и ислама.

Как следствие, возникают нетрадиционные религиозные группы, движения, учения, ломающие уже имеющуюся религиозную традицию и уводящие ее в экстремизм. Последователи подобных новообразований сегодня просто взрывают традиционные общества, обвиняя их в неверии или отходе от «настоящих», «исконных» взгля-

дов и ценностей. Отсюда непрекращающиеся нападки на православие или традиционный ислам. Удивителен тот факт, что в число таких вот радикально настроенных людей попадают те, кто, зачастую не познав свою собственную, исконную религиозную традицию, готов в одночасье поставить на ней крест. Возникновение подобной ситуации опять же, на мой взгляд, является следствием как несовершенства отечественного законодательства в сфере религии, так и безграмотности и недальновидности отдельных чиновников и «специалистов» в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций. Не готовы или не хотите пускать представителей традиционных религий в школу? Значит, будьте готовы к возможному увеличению численности адептов различных нетрадиционных религиозных идеологий, в том числе и в их самых крайних радикальных формах.

На мой взгляд, главная причина того, что в настоящее время отношения между церковью и обществом, по сути, не сложились, – это конфликт традиционного и нетрадиционного. Прийти к консенсусу в этом вопросе сегодня невозможно.

Отец Иоанн. Мне приходилось участвовать в родительских собраниях, посвященных выбору модуля основ религиозной культуры и светской этики. И все возникающие дискуссии, даже при попытке школы как-то доброжелательно всё представить, сводятся к тому, что давайте не будем принимать то, что нам здесь сверху навязывается. Хотя среди родителей нет негатива по отношению к православию и даже в отношении к православной традиции, есть очень настороженное отношение к политике, в которую облакается то, что связано с подачей православ-

ной культуры со стороны каких-то государственных структур, в частности школ. Вот мы лучше будем ходить к вам в воскресную школу, а вот здесь будем изучать основы мировых религиозных культур в целом. И это несмотря на то, что учитель этим родителям рассказывал про то, что у него предыдущие несколько лет также выбирали именно этот курс и, по его впечатлению, этот курс неэффективен с точки зрения самого замысла, и лучше все-таки взять что-то конкретное.

Донских О.А. У меня коротенький вопрос к Вам. Насколько я понимаю, в воскресную церковь они не идут. То есть они только говорят, что туда бы пошли. Или идут всё-таки?

о. Иоанн. Больше, конечно, не идут.

Донских О.А. То есть зачастую это лишь отговорки.

о. Иоанн. И вот на этом контрасте можно увидеть некую двойственность отношений к церкви в стране. Сейчас, в отличие от советского времени, очень редко можно встретить атеистов. И обычно люди сами по себе – не просто верующие, они крещеные, они имеют представление о церковных праздниках, о том, что необходимо делать, когда наступают те или иные этапы христианские в жизни: покрестить ребенка, повенчаться, и очень серьезно к этому относятся. Конечно, в мегаполисах, таких как Новосибирск, и небольших городах ситуация разная. В глубинке меньше того креативного класса, который всё ставит под сомнение. Но одно дело – это люди просто сами по себе, и другое – это отношение человека как представителя гражданского общества к тому, что государство заставляет или как-то подталкивает его к тому, чтобы он был частью официального господствующего вероисповедования.

Россия жила в синодальный период, в эпоху этого господствующего вероисповедания, там выявились свои многочисленные трудности. Потом собрался Собор 1917–1918 годов, и церковь стала пытаться демократическими методами что-то решать – что-то получилось, что-то нет. А потом вновь что в позднесоветское время, что уже в новейшее время обоюдные попытки диалога что со стороны церкви, что со стороны государства, но получается сложно.

Макарова Нина Ильинична. У меня опыт преподавательский в этом плане не большой. Действительно, если посмотреть на студентов, они в большей степени интересуются религиозными учениями Востока. Христианство интереса у них не вызывает. Даже удивляюсь, почему. Очень любопытная деталь: в последнее время мусульмане с удовольствием и открыто говорят о своих религиозных воззрениях. Интерес к этой традиционной религии явно есть.

Если говорить об идеях неолиберализма, то, с одной стороны, неолиберализм выступает против всего традиционного и требует, чтобы человек работал и повышал свою рабочую потенцию. Но, с другой стороны, неолиберализм ведь связан с очень большими стрессами для человека. Связан с конкуренцией, с угрозой безработицы, с возможностью потерять свое место, с тем, что человек постоянно должен заботиться о завтрашнем дне, потому что завтра он может оказаться без средств к существованию. И в этом смысле у человека, безусловно, должна быть какая-то духовная опора. Я не знаю статистику, но, судя по всему, у нас действительно есть интерес в обществе к нетрадиционным религиям, к сектантству. Тут, конечно, встает вопрос о том, должна ли церковь занимать активную позицию в этом отношении. Потому

что русская православная церковь, как я понимаю, занимает всё-таки, и занимала всегда, позицию немножко как бы под крылом у государства (за исключением советского периода). И, наверное, церкви нужно подумать о каких-то более интересных способах обращения к потенциальным верующим. Если посмотреть на католичество, то Второй Ватиканский Собор очень серьезно пересмотрел отношения между церковью и обществом. И потом, я думаю, что людей, особенно молодых, несколько отталкивает или настораживает акцент на то, что спасение может быть достигнуто только через церковь, и церковь только одна. Это, конечно, догматически правильно, но тот же Второй Ватиканский Собор постоянно подчеркивает большое уважение к представителям других религий и даже к атеистам: мы уважаем всех людей доброй воли. И там говорится об особом уважении к традиционным религиям, таким как православная церковь, ислам. Ну, другое дело, как это всё проявляется на практике, здесь есть свои нюансы, но по крайней мере это открыто высказано.

Донских О.А. У нас католический центр миссионерский, насколько я знаю, и это очень показательно на самом деле. Они для сибирской провинции являются миссионерами. Это вполне определенное отношение к православию.

Данилов В.А. Я хотел бы пару реплик добавить. Вот вы говорите, что надо занимать более активную позицию. Но всякая активная позиция церкви на практике блокируется, в частности, действующим законодательством, контролирующими органами, да и самим обществом. Церковь не может в полной мере задействовать весь свой информационный и ресурсный потенциал, направить его на поддержку и пропаганду

традиционных ценностей. У нас же демократия! Представители нетрадиционных религиозных движений постоянно апеллируют к этому. Наше общество встречает в штыки любую инициативу, исходящую от лица русской православной церкви. В этом самом обществе на церковь навесили ярлыки, избавиться от которых чрезвычайно сложно.

Вы упоминаете про Второй Ватиканский Собор и позицию, озвученную на Соборе, относительно того, что нужно уважительно относиться к традиционным религиям. Вы, в свою очередь, говорите, а почему бы нам не относиться к нетрадиционным религиям, в частности к неоязычникам, так же уважительно. Лично я не против этого, но только после того, как из их идеологии исчезнут откровенно экстремистские, фашистские, националистические и повиннистские заявления. Пока мы видим обратное. Поэтому на данном этапе к неоязычникам очень сложно относиться уважительно, равно как и выстраивать с ними паритетный диалог.

Донских О.А. Про отношение к иеговистам я знаю от своего хорошего знакомого пастора. Учась в семинарии, он проходил практику в Буэнос-Айресе и говорит, что иеговистов христианами там никто не считает. К ним отношение однозначное.

Кайгородов Павел Викторович. Меня очень заинтересовала сама формулировка темы нашего круглого стола: «Церковь и гражданское общество», т. е. мы как бы преподносим церковь как социальный институт. Но по умолчанию, так скажем, да еще и набредя на слово «глобализованный мир», я для себя не угадал, что церковь подразумевается как церковь только православная. Это такое следствие моего глобализованного сознания, видимо.

Что касается собственно взаимодействия с гражданским обществом, то здесь не зря был упомянут интернет, потому что если мы говорим о церкви как о социальном институте, она должна коммуницировать, используя наиболее активные, наиболее раскрывающие ее потенциал средства – это сегодня сеть. И хотя обобщать интернет – дело неблагодарное в силу многообразия его, но если какую-то характеристику подбирать, то я бы рискнул сказать, что интернет в массе своей – *непочтителен*. Он не испытывает пиетета перед авторитетами, но это не значит, что он не слушает. Действительно, церковь вообще и церковь православная в частности сейчас охотно используются в качестве этакой боксерской группы, но в той же степени используется практически всё. Если мы покопаемся, мы найдем пронию по поводу любого социального института в сети, и в этом отношении церковь не так уж и сильно утратила свои позиции, по крайней мере, в сравнении с другими постсоветскими институтами социальными. Другое дело, что ей, может быть, было падать выше, потому что церковь как таковая – это больше, чем просто социальный институт, как и священник – больше, чем просто человек.

Если мы о диалоге попытаемся поговорить, то церковь, будучи пастырем, диалогто ведет своеобразный, она ведет за собой, она наставляет всегда. Но такого рода наставления нынче не особо популярны на фоне десакрализации всего и вся. И если изначальная сакральность церкви была больше, то и десакрализация произошла более выраженная. Впрочем, сегодняшние средства распространения информации дают церкви и больше средств для того, чтобы свои позиции как-то восстанавливать. Потому что интернет – это сборник

слухов и сборник частных случаев, и если даже один конкретный священник в одной конкретной церкви производит благоприятное впечатление на свою паству, он становится феноменом. О нем говорят. И если раньше, в XVIII–XIX веках, духовник жил в пустыне и о нем знали лишь те, кто географически к нему близок, то сегодня об этом духовнике могут узнать все. Частный случай, распространяемый через социальную сеть, становится инструментально полезным для налаживания диалога.

Отец Платон. Я бы хотел добавить, что сложность того диалога, о котором мы сейчас говорим, обусловлена самой природой Церкви. Это всё-таки не просто один из социальных институтов, потому что Церковь ведет себя в мире в соответствии со своим предназначением и своей природой. А основное предназначение ее – спасение людей и распространение этого спасительного учения через проповедь. А проповедь – это диалог? Наверное, чаще не диалог. Если Сократ, который тоже вел свое учение в мире, вел его как диалог, то Церковь *проповедует*, и она не может отказаться от этого, поскольку тогда просто перестанет быть церковью. И для меня не было проблемой идентифицировать Церковь в названии темы нашей сегодняшней беседы, поскольку на самом деле Церковь в мире одна. То есть двух Церквей быть не может. Вопрос в том, *где* эта Церковь? Но это уже вопрос выбора каждого человека. Церковь – одна. И поэтому существует некий глубинный контекст, который как раз и определяет отношения не как Церковь и гражданское общество, а как Церковь и мир. Христос пришел в мир. И поэтому диалог, о котором мы говорим, нужно понимать в контексте этой глобальной задачи. Всегда ли нужен диалог, всегда ли возможен диалог?

Не надо представлять его как некую самоценность. Иначе придем к толерантности, к уступкам, лишь бы поговорить, лишь бы договориться. Но иногда нужно и помолчать, и просто потерпеть. В истории Церкви много раз бывало так, что ее просто не понимали и уничтожали, а верующие просто молчали и молча умирали. Какой тут диалог с обществом, когда казнили тысячи людей? Это всё и усложняет проблему. Церковь и общество – не просто две организации, которым нужно где-то друг другу уступить и взаимопонимание какое-то установить. Здесь сама природа церкви ставит сложные задачи.

Есть и субъективная сторона. Постсоветский период, конечно, до сих пор называется. Все люди, которые сейчас в силе, они в основном воспитывались в советское время. Батюшки помнят, как их контролировали компетентные органы и прочее. Такой жизненный опыт так просто не проходит. По-видимому, для того чтобы сложились более благоприятные условия для открытости, нужно, чтобы прошло какое-то время, несколько поколений сменилось, чтобы люди, которые будут возглавлять как церковные структуры, так и государственные, а также общественные, были уже другого склада. Они (церковные деятели) будут, надеюсь, такими же верующими истинными православными христианами, но с другим историческим опытом. Это тоже фактор, который в настоящее время усложняет возможности диалога как со стороны Церкви, так и со стороны общества. Но тем не менее я думаю, что этот диалог необходим.

Сегодня, я считаю, это только начальный период. В дореволюционное время вообще нечего было добиваться, потому что сама власть была православная. Диалог

вроде бы и не нужен был тогда. В советское время, наоборот, церковь не имела никаких прав и свобод. Сейчас уникальная ситуация, когда, казалось бы, есть возможность диалога, но нужно еще научиться это делать. Даст ли нам Господь такую возможность? Не знаю. От нас, конечно, тоже зависит, желание нужно.

Зайцев П.А. Можно вопрос? У меня есть свой вариант ответа, но я хочу спросить Вас. Диалог ведь подразумевает некое пространство диалога и язык, на котором этот диалог ведется. Так вот: *чьим* будет этот язык? Сегодня активно дискутируется вопрос, не изменить ли нам язык служения, чтобы сделать его более понятным. Или, например, священники идут в интернет, но это пространство, в котором уже есть некие правила общения. И начиная эти правила соблюдать, не нарушим ли мы другие правила? А рассматривая этот процесс в перспективе – не перестанет ли церковь быть церковью в нашем понимании?

о. Платон. У меня в этом плане есть личный опыт. Я знаю, насколько сложна проблема языка, и не знаю, насколько далеко мы можем пойти в популяризации в богословии. Но у меня был собственный опыт воцерковления, в 90-е годы, когда я, обучаясь в аспирантуре МГУ, попал на спецкурс к Генриху Степановичу Батищеву – это мой очень хороший учитель, один из очень интересных философов советского периода. Это были последние годы его жизни, он у нас читал спецкурс, в котором не произносил ни одного церковного термина. Тем не менее на философском языке он абсолютно точно изъяснял святоотеческое учение. То есть приспособить язык проповеди к запросам и привычкам аудитории можно. Он мне объяснил, что такое истина, как бы обозначил место ее пре-

бывания, и мне многое стало понятно. Мое личное убеждение, что для каждой культурной категории церковь может нести истину на том языке, который ей понятен. Я не знаю, возможно ли это на самом деле, но я в это верю.

Кузьмина Е.В. Православный Собор определил Церковь как Святую Соборную Апостольскую. Как на философском языке это будет звучать?

о. Платон. Ну, Хомяков церковь определяет как единство духа святого, действующего во множестве лиц, покоряющихся ему. Очень четкое определение, всем понятное.

Кузьмина Е.В. Современному сообществу тоже, да?

о. Платон. А почему нет? Конечно, можно и для современного человека найти какие-то выражения, но нельзя искажать суть Истины.

Цыплаков Дмитрий Анатольевич. По поводу Соборной Апостольской... В Институте философии СО РАН есть специалист по Аристотелю, Орлов. Он объяснил, как перевести слово «соборная» на русский язык. Там обвиняли неких людей даже в ереси, что они перевели его как «вселенская», а слово «кафолический» у Аристотеля имеет оттенок смысла «тождественный». То есть церковь – она тождественна самой себе везде, а не составляется из нескольких частей и вместе образует что-то. В каждом конкретном церковном единстве преломляется вся церковь.

Философский язык всегда обогащал богословский, и в этом смысле диалог всегда существовал. Можно вспомнить религиозно-философские собрания в Москве и Санкт-Петербурге до революции. Может быть, этот диалог не привел к чему-то глобальному, но он шел. И я думаю, что и сей-

час церковь готова в целом к диалогу, но ... Я, когда работал над книгой, мне пришлось брать такие полуструктурированные интервью у самых разных людей. И вот интересно: из антиклерикалов, причем серьезных, убежденных, никто не согласился дать интервью. Дал интервью один человек левых убеждений, которого можно к антиклерикалам и не причислять – ну, ему церковь не нравится, но это для него не является символом веры. Почему-то церковь сейчас в процессе диалога, к сожалению, наткнулась на людей, для которых антиклерикализм есть кредо. Сошлись две максимы, и это один из источников такой напряженности.

Штуден Лев Леонидович. Я предлагаю всё-таки вернуться к существу вопроса. Слова «диалог» я вообще не вижу в тексте первого вопроса. Речь идет об отношении церкви и общества, так? Ну, что такое церковь – более или менее понятно. Я придерживаюсь той точки зрения, что церковь – это община верующих в основе своей, а во все не социальный институт с иерархами, у которого может меняться политика как угодно. А вот «общество» в России, извините, я не знаю, что это такое. И если говорить о диалоге, то второго лица диалога я просто не вижу. Гражданского общества в России, по существу, нет. Гражданское общество, если оно есть, – может влиять на политику правительства, оно может выбрать или не выбрать губернатора, оно может с помощью митингов и демонстраций влиять на ход дела в стране... У нас нет и намек на все эти вещи. А если брать общество как некое сочетание индивидуумов, которые живут на одной территории, тогда что мы видим? У нас в Новосибирске, где-нибудь на окраине, половина учеников в школьных классах – таджики, узбеки и т. д. Разве с ними наша церковь может

наладить какой-то диалог? Разве на них она может воздействовать?

Ведь смотрите, когда произошли события 1991 года, моментально в азиатских республиках, где ранее был ислам, он был восстановлен почти мгновенно. Они не были мусульманами, они ими стали! А что произошло с нашими русскими соотечественниками? Извините, я не могу назвать это религиозным ренессансом, ни в коем разе. Общаясь уже в течение многих лет со студентами своего вуза на занятиях по религиоведению, я интересуюсь у них, как они воспринимают проблемы, связанные с религией, как они относятся к существованию или несуществованию Бога... Самое интересное: большинство студентов всегда отвечают – я верующий. Но давайте разберемся. Верующий – какой? Христианин. А что такое христианство, ты знаешь, мой дорогой? Как переводится на русский язык слово Евангелие, ты знаешь? Или, может быть, ты знаешь, что такое евхаристия? И выясняется, что это заявление абсолютно безответственное. Воцерковленных среди студентов – единицы, хотя прошло уже 25 лет нашей новой реальности. А ведь на самом деле жажда какого-то духовного познания, общения – велика. Но что сделала церковь, чтобы привлечь людей на свою сторону? То и дело встречаешь кришнаитов, виссарионовцев, анастасийцев вообще уже полмиллиона, а в основе лежит абсолютно безграмотная книга, вымысел чистой воды, но полмиллиона людей верят в это!

Мне кажется, что церковь сейчас попала в очень непростую ситуацию. В советские годы произошел тотальный погром церкви. Расстреливали священников, рушили храмы, уничтожали иконы и т. д. Такое выдергивание корней произошло, что

люди меняли фамилии, внезапно меняли место жительства – только бы уцелеть. После такого тотального погрома тот же Кураев сравнил современную церковь с лагерным доходягой. Кроме того, церковь не просто была под контролем КГБ внешним, эти товарищи внедрялись туда, притом их было очень много. Недаром ходила такая байка юмористическая: «поправьте рясу, батюшка, погон торчит»... Куда делись эти люди? Никуда, они все остались на своих местах. Это сродни старой запущенной болезни... И церкви приходится выздоравливать. А с другой стороны, как это было и до революции, она связала себя с «неправильной» властью, и этим моментально оттолкнула от себя очень многих интеллигентов. Интеллигенция-то перед концом советской власти как будто устремилась к христианской вере... Это была форма духовного протеста против тоталитарной власти. Но сегодня очень сильна жесткая критика церкви именно со стороны либеральной интеллигенции. Ну, вот последний скандал с постановкой Тангейзера прогремел. Это же было явное совершенно измывательство над христианскими святынями. Ну, распятие между женских ляжек – куда дальше? Нет, защита святотатцев выстроилась по всему периметру, причем люди, которых не назовешь идиотами, отстаивали право художника на так называемое самовыражение, совершенно не сознавая, что на самом деле происходит. И вот в этой ситуации, когда в обществе происходит брожение, когда идет этническое перерождение в крупных городах, когда и в самой церкви, по-видимому, нет единогласия (я имею в виду священников), – это и есть ключевая тема – не диалога, до диалога нам как до луны, а вот отношение церкви к обществу, ее неспособность привлечь людей –

вот это, на мой взгляд, главная проблема сегодня.

Кузьмина Е.В. Я согласна с коллегами в сомнениях по поводу существования в современной России гражданского общества, но будем надеяться, что оно уже формируется. И у Церкви, и у общества есть свое понимание цели и формата отношений друг с другом. И вот когда мы проанализируем источники и литературу со стороны каждого участника диалога, то тогда и появятся конкретные предложения (модели) по выстраиванию взаимодействия.

Я немного занималась отечественной церковной историографией. Скажу, что то определение, которое дают церковные историки, оно по-другому раскрывает роль Церкви в истории. У М.Э. Поснова (1873–1931) мы находим следующее определение Церкви: «это основанное и руководимое Иисусом Христом, Сыном Божиим, общество верующих в Него, освящаемых Духом Святым в таинствах в надежде на очищение от грехов и спасения в будущей жизни. Таким образом, Церковь не только земное учреждение; она преследует неземные цели: осуществление среди людей Царства Божия, приготовление их к Царству Небесному». И эта «надмирность» Церкви должна учитываться.

Мои личные научные симпатии лежат в области отечественного богословия. Я пытаюсь представить, каким образом современное, только формирующееся научное пространство – назовем его теологией – воспользуется наработками дореволюционного богословия. Например, дореволюционная традиция типологию отношений Церкви и общества (и государства в том числе) уже сформулировала, конечно, исходя из своего контекста. И неслучайно, что эта типология учитывала конфессио-

нальный аспект. Если мы вспомним Василия Васильевича Болотова, то он выделял тип протестанта и тип истинного католика, подход, который еще должен был появиться как результат развития русской церковно-исторической науки.

А в отношении «русского религиозного ренессанса»... если посмотреть, как ренессансные процессы происходили в Европе, то сто лет – это еще не срок. И я предположу, что те процессы, которые шли в начале XX века в России, и те, которые сейчас происходят, это составные части одного процесса. Поэтому мы можем говорить о том, что религиозный ренессанс продолжается, но не просто. Для меня сомнений нет в том, что поиски духовности всегда будут обращены к Церкви. И Церковь ответит на эти запросы.

Оводова Светлана Николаевна. У меня будет несколько замечаний, связанных между собой. Стоит сказать, что не только искусство свободно высказывается о религиозных образах. Протестантские организации выставляют перед своими приходами рекламу, которая приглашает прихожан к себе, и эта реклама часто очень провокационная. Когда протестантские организации позволяют себе говорить на современном языке, это представляет собой освоение пространства понятного современному человеку языка, вызывающего шоковую реакцию, которая вырывает человека из повседневности и заставляет задуматься о вечных проблемах. Какой это язык – это уже другой вопрос, я не буду его касаться.

Также хотелось бы добавить к разговору об идентичности. Она связана не только с самоощущением. Когда мы говорим об идентичности человека, в частности принадлежности его к какой-либо религиозной организации, тут надо помнить о том, что

идентичность складывается из трех составляющих: это самоощущение, это тот дискурс, язык, на котором говорит человек, и собственно повседневная практика. И мне кажется, что главная проблема в третьей составляющей. Идентификация с определенной религией может присутствовать, может также присутствовать первичное освоение языка религиозной конфессии, но о повседневной практике, которая представляет собой реализацию этих норм, уже речи не идет. То есть человек может признавать себя православным, но при этом не ходить в храм.

Ну и последний сюжет, который я хотела бы затронуть, я вернусь к термину постсекулярности и к теме диалога постсекулярного сознания и сознания религиозного. Постсекуляризм – это пространство диалога, это выстраивание взаимоотношений между секуляризмом и религией на новых основаниях. Где происходит отказ от доминирования каждой их стратегий, но это не предполагает нивелирования их различий или сведения их к общему знаменателю. В этом отношении интересным является обращение к стратегиям диалога Владимира Соломоновича Библиера, немного позабытого в современном отечественном гуманитарном дискурсе. Если внимательно присмотримся к его работам, то увидим, что он искал способы диалогического взаимодействия несводимых друг к другу мировоззренческих позиций.

Постсекуляризм – это диалог секулярного и религиозного. Почему этот диалог стал ограничен и для секуляризма? Помимо всевозможных столкновений и угроз, сам секулярный дискурс пришел к некоторым интересным тезисам и умозаключениям. В частности, стоит вспомнить теорию Вячеслава Семеновича Степина о класси-

ческой, неклассической и постнеклассической науке. С этой точки зрения мы находимся на этапе постнеклассической науки. Во-первых, этот этап науки характеризуется междисциплинарностью, поиском точек пересечения разных научных парадигм, настроенностью на диалог, что связано с взаимодействием разных научных картин реальности, с признанием их дополнительной. Во-вторых, изучение человекообразных систем требует актуализации ценностного подхода. Это требует этической экспертизы возможности изменения человекообразных объектов. Как мы понимаем, единой этической картины не существует, с этой проблемой столкнулась биоэтика. Поэтому потребность в диалоге и умении договариваться становится актуальной и для науки. Таким образом, наука сама находится в определенном культурно-социальном контексте, и представление о ее существовании вне этих исторически ценностно-культурных условий уже невозможно.

Мы можем наблюдать готовность секуляризма к диалогу, к пересмотру своих оснований, уточнению направления развития науки. Религиозное сознание также готово к диалогу. И тут важно, чтобы диалог не прекращался. Потому что как только он прекратится, прекратится и развитие.

Исаков Сергей Петрович. Если бы церковь, по словам Льва Леонидовича, была общиной верующих, то, наверное, не было бы никаких вопросов ни у общества к верующим, ни у верующих к обществу. Кроме разве что случаев наподобие Pussy Riot, но это явно маргинальные какие-то вещи. Но мне кажется, что саму церковь не устраивает такое понимание. Дмитрий Анатольевич Цыплаков в своей статье в № 1 «Идей и Идеалов» за этот год писал о том, что церковь не хочет себя рассма-

тривать как какое-то общество любителей шахмат. Она стремится заключить в свои объятия как можно больше людей. И здесь возникает та коллизия, о которой мы сегодня собрались поговорить.

Дело в том, что по Конституции в нашей стране ни одна идеология не может быть признана государственной, т. е. обязательной для всех, наше общество является идеологически многообразным. Но без скрепляющей, объединяющей людей идеологии общество просто рассыпается. Отсюда все эти попытки изобрести русскую национальную идею, которые ничем не кончились. И мне кажется, что на каком-то этапе власть решила для себя (а люди, стоящие у власти, являются православными), что хорошей заменой государственной идеологии будет идеология православная. Отсюда активная поддержка церкви на государственном уровне: возврат церковных имуществ, налоговые льготы, «огосударствление» церковных праздников, уголовная ответственность за оскорбление чувств верующих и так далее. И вот в этом люди – не только креативный класс, а все, кто хорошо помнит советские времена, – сразу почувствовали угрозу: еще немного, и правительство введет цензуру, обязательное изучение Закона Божьего и т. п. В нашей стране все это уже было, и не один раз.

Но как только к исповеданию какой-либо идеологии начинают *принуждать* – она немедленно начинает обесцениваться, терять реальное влияние на души людей и в конечном счете рушится: вспомним недавнее крушение коммунистической идеологии в СССР. И чем более человек развит, тем сильнее в нем нежелание подчиняться идеологическому насилию. Поэтому не стоит сожалеть о том, что государство недостаточно поддерживает цер-

ковь – административный ресурс может быть полезен тактически, но в стратегическом плане потери могут быть куда больше. Так, РПЦ долго будут вспоминать налоговые льготы на ввоз спирта и сигарет в лихие 90-е. Чем громче и шире будет звучать слово Церкви, тем большее сопротивление оно встретит.

Но к кому обращает свое слово Русская православная церковь? Тут уже говорилось, что у нас общество во многом традиционное и большинство русского населения считает себя православным. Мне кажется, что как в советское время подавляющее большинство людей считали себя атеистами, но реально атеистами не были, точно так же и нынешние православные считают себя православными, но таковыми фактически не являются: многие не знают молитв (да вообще ничего о православии не знают!), не исполняют обрядов и т. д. Но потребность в какой-то духовной опоре есть: в тяжелой стрессовой ситуации люди пытаются опереться на Веру в то, что больше них. И тогда для человека неважно – на традиционную церковь он обопрется или на то, что подвернется под руку. Тот, кто его утешит, тот и свят. Причем люди, не задумываясь, сочетают в себе и чисто языческие верования, и христианские, выбирая для себя то, что «помогает», и спокойно отбрасывая всё, что «не нравится». Но они верят, и верят искренне. С такими людьми церковь говорить умеет. Не знаю, правда, можно ли это назвать диалогом.

Что же касается людей, стоящих вне церкви – атеистов, агностиков, скептиков, а нас таких как бы не большинство, – здесь диалогом и не пахнет. Я иногда просматриваю христианскую литературу, которая стоит на полках книжных магазинов. Это довольно обширная литература. Отцы

церкви, русские христианские философы оставили нам великие образцы христианской мысли, образцы *искания* истины, но они трудны для неподготовленного человека, и в них нет ответов на сегодняшние вопросы. *Современная* же православная литература практически вся говорит с читателем таким слащаво-наставительным тоном, как с детьми. Это не диалог, и даже не проповедь – это наставления. Попыток говорить на важные темы, волнующие общество *сегодня*, ответов на острые вопросы там нет, а если кто-то – тот же Кураев – и делает такие попытки, они, как я понимаю, не встречаются со стороны церкви большого одобрения. Нет, православная публицистика есть, и в интернете тоже, но она опять же рассчитана на *своих*. Диалога с нехристианами нет (во всяком случае, он не слышен).

Мне кажется, такой диалог возможен в двух случаях: либо это политический диалог, в котором какие-то силы пытаются урегулировать друг с другом отношения и выстроить границы, либо это диалог людей, которые ищут истину. Но если политический диалог церковь с переменным успехом ведет, то к совместному поиску истины она, мне кажется, не готова. Наверное, потому, что эту истину уже давно обрела, и все желающие могут получить от нее эту истину в готовом виде.

Впрочем, нет и встречного движения: внецерковная (не говоря про антицерковную) интеллигенция в своих философских, научных, политических *исканиях*, как говаривал Вернадский, ищет свою истину где угодно, но только не у христианских теологов. Нехристианские ученые церковь *изучают* как некий социокультурный феномен, но не рассматривают ее как собеседника, как участника диалога. И вовсе не потому, что церковь традиционна, а это теперь

не в моде; скорее, стороны всё друг другу уже сказали, все остались при своем мнении, и позиции сегодня не сталкиваются, а находятся в разных измерениях. Говорить им друг с другом просто не о чем.

Донских О.А. Видите, мы тут затронули практически все три вопроса, которые были заданы. Мне хочется один аспект обсудить отдельно. Это касается понимания христианства вообще. Мы можем вспомнить, что церковь – это «тело Христово», как апостол Павел об этом говорит. И все конфликты, почти все ереси в истории возникают там, где идеал церкви как административной организации не соответствует тому идеалу, который проповедуется. Причем это несоответствие заложено самой ситуацией. Потому что избежать этого можно, если в церкви служили бы только святые... да и то святые считали, что они слишком грешны для этого. Эта та проблема, которую преодолеть невозможно. Если мы берем церковь как общину, то даже первое христианство очень идеализировано на самом деле, когда христиане рассматривались еще как «люди пути», которые создавали общины, организовывали коллегии и так далее. Само слово «церковь» обозначает собрание. Этот идеал – он в принципе невозможен, и он о многом еще и легендарен.

Маленький комментарий по поводу языка. Христос не случайно говорил притчами. Он не пытался представить свое учение в понятиях. У меня дома сейчас лежит любопытная книжка Олдоса Хаксли, которая называется «Perennial Philosophy». Он пытается доказать, и это известный ход, что во всех религиях одно содержание. Но, с другой стороны, ведь религий таких стерильных нет. И быть не может. Здесь второе противоречие. Есть некое идеальное

содержание вроде бы, но оно всегда ложится на национальную почву. Мы же не можем взять абсолютно чистеньких людей, свободных от языка и культуры, и что-то им дать. Такого не бывает. Мы помним, какой длинный был период двоеверия в русской церкви после Крещения. Собственно говоря, по-видимому, мы сейчас к этому вернулись, даже не к двое-, а к многоверию, потому что эклектика – это то, что характеризует наше сознание.

Есть еще один момент, который сегодня не прозвучал, но мне хотелось бы его отметить. В современном обществе создают, воспитывают гомо экономикуса. Чтобы человек всё время рассчитывал свое поведение, рационально выстраивал свой жизненный путь, свою карьеру таким образом, чтобы он получал в каждый момент и на каждом этапе как можно больше выгоды. Выгода выражается в деньгах в конечном итоге, и вот это нормальная жизненная позиция. С одной стороны, это очень удобно, это очень понятно, с этим почти невозможно спорить: ну кто скажет, что лучше иметь десять рублей, чем сто? С другой стороны, за этим возникает невероятная тревожность внутренняя, о которой пишут философы, которая требует выхода. И, казалось бы, в этой ситуации естественно обратиться к какому-нибудь устоявшемуся институту, коим является, например, церковь. Действительно ведь, колоссальная традиция, достаточно войти в храм, чтобы понять, сколько за этим стоит. Лучше зданий в мире, чем храмы, просто нет. И тексты, которые здесь читаются, созданы величайшими поэтами, и великая музыкальная традиция... Для меня остается совершенно непонятным, почему именно это вызывает такое внутреннее противодействие. Может быть, немножко это объ-

ясняет Достоевский, что это страшно. Это открывает некие глубины, которые человек в себе открывать боится. Есть очень хорошая в этом смысле модель у Достоевского в главе «У Тихона» в «Бесах». Где Ставрогин встречается с Тихоном – по сути, дьявол встречается со святым. Конечно, дьявол так ненавидит его, если сам приходит, пытается вроде бы искренне что-то говорить, но вдруг понимает, что его раскусили... На каком-то очень глубоком уровне идет внутреннее отрицание. А за всеми этими сектами стоит ведь колоссальная безграмотность, незнание. Им дали три цитатки, они их выучили, и всё – дальше все знания заканчиваются. То есть это тот уровень безграмотности, который соответствует уровню наших студентов. Спросить их: Ты православный? – Да. – «Отче Наш» расскажи. – И здесь всё заканчивается. Я уже не говорю о каких-то других молитвах.

Мне представляется, что здесь конфликт на самом деле где-то глубже лежит. Это и в искусстве проявляется. В современном искусстве какие-то вещи, совершенно непонятные, часто убогие, заменяют что-то настоящее. Это конфликт между таким поверхностно-удобным и настоящим.

Зайцев П.А. По поводу сказанного. Две недели назад, практически этим же составом, мы участвовали в Свято-Троицких чтениях в РХГА, где проходила презентация антологии «Анархизм: pro et contra». Сейчас представилось: сидит этакий анархист в московском особняке и постреливает из маузера в люстру. А ведь он таким образом выстраивает отношения с тем пространством, в котором оказался. Как понимает, и теми средствами, которые у него есть. И поэтому критика церкви со стороны креативного класса или формирующегося класса по меньшей мере говорит о том, что

они церковь видят и пытаются выстраивать с ней отношения. Возможно, проверяют на крепость, возможно, ждут каких-то реакций... И мне кажется, это не самый большой вызов для современной церкви. Были времена и похлеще. С другой стороны, мы должны себе представлять, что глобальный мир устанавливает свои правила даже там, где этого не предполагалось. Поэтому, наверное, главное пожелание церкви – оставаться церковью.

Данилов В.А. Я в чем с Вами очень даже согласен – действительно, очень часто люди, которые критикуют церковь, это люди безграмотные, безграмотные в том смысле, что их познания в сфере религии, мягко говоря, невелики. Отсюда и проблема. Они не видят принципиальной разницы в традиционной религиозности, представителем которой является как раз таки православная церковь, и нетрадиционной. Им неважно, что церковь делает для общества и для людей, кому и как помогает. Для простого обывателя сегодня церковь слита с государством, получает от него поддержку, в том числе финансовую. И никого не волнует, что это не совсем так. Очень сложно переубедить человека, который стал жертвой стереотипов, что он не прав. А если таких людей десятки, а то и сотни тысяч, то и возникает проблема, которую мы сегодня обсуждаем.

Если ли выход из сложившейся ситуации? Есть! Несмотря на существующее положение дел, церковь должна, на мой взгляд, более активно вести миссионерскую и катехизаторскую работу среди населения, что она, собственно, и делает. Нужно продолжать трудиться на ниве просвещения! Необходимо открывать больше просветительских курсов, информационных центров, которые бы помогали людям

разобраться: где традиция, а где имитация или замещение этой самой традиции. Нужно преодолевать массовую религиозную безграмотность. Мне кажется, что решение именно этой задачи и позволит начать тот диалог, о котором мы сегодня говорим.

о. Иоанн. Чем обусловлены препятствия для диалога между церковью и обществом? Можно сказать о препятствиях внешних и внутренних. Насчет внешних: есть силы, которые заинтересованы в том, чтобы такого диалога не было. Я категорически не сторонник теории заговора и даже противник подобных интерпретаций происходящего, но тем не менее меня поразила такой факт, что в начале 2012 года была небольшая публикация священника Константина Пархоменко о том, что готовятся информационные вбросы против Святейшего Патриарха Кирилла. На первый взгляд казалось, что, может быть, у кого-то паранойя. Но непосредственно за этим мы наблюдали сразу несколько информационных атак, после чего авторитет Патриарха в обществе был принижен. Ни до, ни после этого таких историй не происходит. По-видимому, информация была правдивой и действительно есть силы, которые могут предпринять целенаправленные действия, чтобы церковь не вступала в диалог с обществом, чтобы обществу не захотелось вступить в этот диалог, и так далее.

Что касается внутренних препятствий. В принципе, хотя церковь с самого начала своего существования, с апостольских времен занималась проповедью, распространением евангельской вести о Воскресении Христовом, большую часть своей истории она занималась налаживанием стабильной жизни для конкретной общины. То есть мы здесь нашли свой дом, нам бы самим спастись, а вот говорить с кем-то еще, не-

сти апостольский или равноапостольный подвиг – это нечто более трудное. И вот 1990-е годы и начало XXI века – это для русской церкви время очень непростого осознания того, что надо вести этот диалог, хотя у нас действительно нет традиции ведения такого диалога с внешним миром. У нас есть традиции внутренних бесед. А вот внешний диалог – это нечто новое, и Святейший Патриарх Кирилл много говорил об этом. И многие его действия, особенно первых лет его патриаршества, были направлены именно на то, чтобы больше у нас было специально подготовленных людей – катехизаторов, теологов и т. д., которые смогли бы вести этот разговор. Появился такой новый предмет в семинарской программе – миссиология. Я разговаривал с нашим преподавателем миссиологии на семинаре несколько лет назад. Он говорит, что вся жизнь церкви должна быть миссией. И когда священник читает проповедь в храме, он должен помнить и о своих постоянных прихожанах, и о тех, кто сегодня первый раз пришел в храм, и направлять свои речи на них и на них ориентироваться. А это довольно непривычно для многих.

И проблема здесь еще в том, что когда служитель церкви пытается вести диалог так, чтобы действительно быть услышанным, ищет нестандартные пути этого диалога, он должен иметь право на ошибку. К сожалению, есть очень много примеров того, что даже спикерам общецерковного масштаба, которые очень многих людей привели в церковь, в дальнейшем было сказано: нет, вы лучше молчите. Самый, может быть, известный пример из недавнего, это Алексей Ильич Осипов, профессор Московской духовной академии. Можно вспомнить и отца Георгия Митро-

фанова, и отца Петра Мещеринова, и других. И это тоже внутренняя трудность церкви, которой не всегда удается находить эту форму проповеди.

А по поводу того, почему подчас возникает такое резкое противодействие в обществе, вспомним Евангелие от Луки: описывается история Сретения, и Симеон, держа сорокадневного младенца Христа на руках, говорит его матери, что он будет предметом нареканий, чтобы открылись побуждения многих сердец. В том смысле, что те слова, с которыми он будет обращаться к людям, они настолько будут обращены лично к каждому человеку, что невозможно остаться безучастным. Или ты понимаешь, что это твое, или ты вступаешь в какое-то резкое противоречие. Но остаться безучастным невозможно.

Макарова Н.И. А я хочу сказать только об одном мощном воздействии на всех верующих и неверующих – воздействию с помощью искусства. Сегодня есть замечательный телеканал «Спас» – это действительно одна из возможностей привлечения сердец к христианству. А вот если вспомнить фильмы, мне на память приходят только два – это «Андрей Рублев» и «Остров». И, пожалуй, всё. А ведь это великолепная возможность влияния на людей.

Кайгородов П.В. Я, с вашего позволения, Вячеславу Леонидовичу задам вопрос по поводу невозможности вести диалог с безграмотными людьми. С вообще не умеющими читать крестьянами прошлых-попрошлых веков диалог тем не менее был налажен каким-то образом, или это был другой диалог? Или не диалог вовсе?

Данилов В.А. Это были люди, воспитанные в православной традиции. А сегодня люди от этой традиции оторваны. Когда в начале 1990-х годов открылась возмож-

ность наконец-то верить открыто, не бояться никого, все надеялись, что вот сейчас придут новые поколения, которые прикоснутся к православной традиции, и что жизнь изменится. Но прошло уже 25 лет, а ничего не изменилось. Люди как были от этого далеки, так и остаются. Нет духовного образования.

Донских О.А. Батраков в деревне нанимали от Пасхи до Покрова. Люди жили совершенно в других координатах, заданных церковно.

Кайгородов П.В. То есть всё-таки изменилось общество. Тогда получается, что и церковь должна как-то меняться?

Донских О.А. Вы знаете, я присутствовал на обсуждениях подобного рода. Выступали католические священники, говорили о привлечении музыкантов, играющих рок-н-ролл. Для меня это звучало несколько странно. Можно превратить церковь в клуб, в театр, во что угодно, но тогда она просто перестанет быть церковью. Церковь меняется; другое дело, можно ли менять что-то искусственно, да еще и с такой скоростью, как требует общество. Ведь общество – перегретое, оно само меняется с такой скоростью, что ни один институт за ним не поспевает...

о. Платон. Не всё в церкви меняется. Есть то, что не поменяется никогда: сама суть, сама онтология церковная. И я хочу сказать еще, что церковь изначально – это не религия. Здесь путаница происходит. Христианство – это не религия, христианство лишь исторически становится религией, к сожалению. Но в своей сути, в своей основе это не религия, это отношение, оно обращено к личности человека, и суть онтологии церкви – это как раз *общение*. Поэтому церковь никогда не может быть идеологией, она никак не связана вообще с

этим. Это уже искусственные штампы, которые приклеиваются к церкви.

К сожалению, препятствием к диалогу является то, что общество создает мифологию церкви и потом с этой мифологией борется. Апология церковная всегда заключалась в том, чтобы снять эти мифы, которые общество придумывает о церкви. Но, к сожалению, общество не слышит этого. И единственный способ, который остается церкви, это свидетельствовать. Своей мученической смертью, своим подвигом жизни утверждать истину. На самом деле сущность церкви – это и есть общение. Потому что природа церкви, сам Бог – есть три личности, находящиеся в любви между собой. К чему призывает церковь? Чтобы от индивидуальности, обособленности человеческой перейти к такому состоянию личности, когда другой живет в другом и благодаря другому. Вот это то, что есть церковь. И это никогда не изменится. И историческая миссия церкви в этом и заключается, чтобы от всех ролей, от всех политических ярлыков человека привести к состоянию того, что он сам осознает себя личностью перед лицом абсолютной совершенной личности.

Диалог заложен в самой природе церкви. Ничего не надо придумывать: живи в церкви – и ты уже в общении, и у тебя открыт диалог со всеми. А все политические, правовые аспекты – это всё вторично. Конечно, это всё приходится разгребать, находить какие-то компромиссы, но это все не относится к самой сущности церкви, это лишь временные исторические необходимости, к которым приходится приспосабливаться.

Цыплаков Д.А. Я согласен с каждой буквой того, что сказал отец Платон. Одно только соображение добавлю: когда

речь заходит о преподавании в школе основ православной культуры – очень дружная обструкция идет со стороны почти всех структур государственных, и в этом я вижу одно из главных препятствий. Потому что как ни крути, оцерковленный человек начинается с того, что его приучают к молитвам, его приучают к укладу и т.п. буквально с детства. Иначе ничего не получится.

Кузьмина Е.В. О религиозной идентичности: очень интересная мысль предложена в известной монографии А.Н. Крылова – аналогия между возрастной психологией и ступенями религиозного сознания (религиозной идентичностью), а также этапами восприятия священных текстов. И это можно использовать в дальнейшем, в моделировании предметной области «Основы православной культуры» в средней и в высшей школе, которая должна представлять собой непрерывный процесс, учитывающий все аспекты формирования личности.

Оводова С.Н. Олег Альбертович говорил о выборе каждого отдельного человека между подлинным и неподлинным бытием, когда человек выбирает между жизнью в экономическом обществе и подлинной жизнью внутри церкви. А всегда ли происходит выбор, всегда ли он вообще возможен? Например, в системе образования и науки мы видим, что созданы такие условия, что выбора уже не остается: или ты существуешь по законам и регламентам этого экономического общества, или ты будешь исключен из этой системы.

Исаков С.П. У меня две короткие реплики. Одна по языку. У Пелевина в «Чапаеве и пустоте» есть одно место, когда нанятый бандитами философ объясняет им смысл дзен-буддизма на блатной фене. Великолепный совершенно кусок. Причем это не пародия, он излагает этим языком

совершенно серьезные вещи. Значит, можно любому на понятном ему языке рассказать серьезные и довольно абстрактные идеи так, что он поймет, всё зависит от таланта. Но на такое способны очень немногие, это трудно.

И второй момент. Отец Платон великолепно сейчас говорил; но ведь когда выдающиеся коммунисты формулировали свои воззрения – они тоже великолепно говорили! Но практика, к сожалению, сильно отличается от идеала. Вы сказали, что церковь это прежде всего общение. Но придите в церковь любую: люди ведут службу, исполняют требы, молятся. Наверное, это тоже своего рода общение, но очевидно, что это общение *между своими*. А человеку стороннему скорее какая-нибудь суровая женщина укажет, что он не так одет, или не там встал...

о. Платон. Вопрос снимается вопросом к этой женщине: а кто тебя благословил на то, чтобы делать замечания? А что касается того, что любому можно объяснить... тут важно *что* объяснить и *как* объяснить. Вот сектанты – они очень хорошо объясняют. И у них всё получается гладко и очевидно. Понимаете, приходишь ты в православный храм, зачастую неготовым, подходишь к батюшке с вопросом, как спастись можно, и батюшка начинает объяснять, зачастую долго и непонятно, и всё это очень... «трудозатратно». А как действуют сектанты – если ты с нами, ты уже спасена. Вот в чем разница.

Данилов В.А. Знаете, в наших размышлениях о языке есть что-то интеллигентское. То есть, с одной стороны, понятно – язык, на котором мы говорим, его освоение стоило нам определенных трудов. Готовы ли мы жертвовать этим языком, чтобы опускаться на уровень фени? С другой

стороны, нас подpiraет вот эта вот фраза: «пришли нищие и похитили Царствие Небесное». Потому что дело-то не в языке.

Донских О.А. Я в завершение один образ приведу, который меня в свое время просто потряс. Я обращаюсь к своему австралийскому опыту. Открывали самое большое казино в Южном полушарии. Фейерверк был невероятный, всё сияло, всё блестело. Там только лицензия на строительство стоила порядка 600 миллионов долларов, а качество зданий такое, что там собиралась G7. Невероятный ажиотаж. Пришли тысячи людей. Матери забывали детшек грудных в автомобилях на часы, там эти дети задыхались... И висел сбоку где-то плакатик «Gambling is addictive» («Игра затягивает»). И подпись «Roman Catholic Church of Victoria». Даже не заплатка махонькая, а что-то настолько крохотное... Это церковь напомнила о себе, что она тоже где-то есть, рядом с разгулом этим.

Я понимаю, конечно, что церковь сейчас в тяжелом положении. В еще более тяжелом положении находится общество, которому необходимо преодолеть собственный глубочайший кризис. Но что ему необходимо? Общая, объединяющая людей идея (то, что можно называть русской идеей или чем-то еще, не в этом дело), но иначе общество же рассыпается. В этом смысле и роль церкви оказывается какой-то странной. У нас общество какое-то несложившееся, не ставшее гражданским обществом, оно транзитивное в полном смысле слова. Мы ощущаем это как национальную проблему, но это интернациональная проблема. Поэтому, я думаю, очень важно то, что делает наш журнал, что появились кафедры, которые изучают данную проблему, что светские люди занимаются этими проблемами, что священнослужители прини-

мают в этом участие. Поэтому я всем очень благодарен. Спасибо за участие!

По традиции редакция журнала попросила экспертов, не принимавших участия в обсуждении на круглом столе, ответить на вопросы, предложенные участникам. Ниже мы публикуем их ответы.

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, заместитель заведующего кафедрой теологии и религиоведения Кемеровского государственного института культуры.

1. Как можно оценить отношения церкви и общества в России на современном этапе?

Эти отношения можно оценить как динамично развивающиеся. Каждый год приносит что-то новое, иногда существенное. Например, последние несколько лет характеризовались чрезвычайными усилиями Церкви и православно ориентированной общественности, учительства реально включить православный компонент в школьное образование. Введенный в 2013 году в качестве обязательного предмет «Основы религиозных культур и светской этики» содержит, наряду с другими модулями, дисциплину «Основы православной культуры», которая изучается в течение одного года в начальной школе, когда в формирующейся личности еще присутствует естественная любознательность.

Реальна перспектива и более глубокого проникновения православной церкви в образовательный процесс. 2016 год ознаменовался легализацией светской аспирантуры по направлению «Теология». В настоящее время формируется первый диссертационный совет на базе МГУ им. Н.В. Ломоносова, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и др. Готовится также образование в ВАК РФ экспертного совета по теологии. Счет же кафедр и ву-

зов России, которые ведут подготовку теологов – бакалавров и магистров теологии, идет на десятки. Так что отношения православной церкви с обществом, по крайней мере в образовательном ракурсе, очень подвижны, и можно ожидать появления иных церковных инициатив. Например, готовится введение наряду с государственной аккредитацией теологических кафедр также их церковной аккредитации – своего рода двойной контроль за качеством теологического образования. 3 июня 2016 г. в актовом зале Учебного комитета Русской православной церкви в Андреевском монастыре в Москве состоялся для всех заинтересованных руководителей теологических учебных подразделений обучающий семинар на эту тему.

2. Чем обусловлены препятствия для диалога между Церковью и другими социальными группами в современной России? Нужен ли такой диалог современному российскому обществу? Возможен ли он?

Основное препятствие вижу во взаимном неприятии различной трактовки Бога. Я имею в виду следующее. Глубоко различается понимание Бога разными strатами российского общества. Если абстрагироваться от миллионов граждан, крестившихся и приобщенных к православию в силу потребности в национальной самоидентификации (русский – значит православный, как и было до Октябрьской революции), то истово верующих в России можно условно разделить на два типа. Первые исповедуют личного Бога, с которым нужно устанавливать молитвенные, с элементами аскезы отношения (кроме домашней молитвы – искреннего поста, участия в общественной богослужебной практике с причащением, исповедью и в пределе – с личным покаянием). Это не то что сложно, это крайне

трудно достижимо. Имею в виду, например, что в практике поста пищевые ограничения – это ничто в сравнении с требованием принять, простить ближнего, отказаться от зависти или естественной позиции превосходства над ним. Народ понимал это, и именно в силу сложности такой задачи и практики необычайно высоко на Руси ставились такие русские святые, как широко известный ныне Серафим Саровский. Причем понятно, что в христианстве в первую очередь этот личный Бог – Бог-сын, Христос.

Но есть и другой – интеллектуалистский – путь достижения верования в высшее надчеловеческое начало. Это не Бог русских и всех святых, а Бог философов, которые приходят к идее высшего, абсолютного начала через сакрализацию таинственной непознаваемости и сложности мироздания. По-моему, иногда незаслуженно забывают Аристотеля с его идеей Мирового Ума, он ведь и есть первооснователь идеи философского бога. Религиозность А. Эйнштейна и множества великих умов человечества идет не от откровения личного Божества, к ней ведет их пронизательный научный и философский разум.

Итог моего краткого рассуждения следующий: для одухотворения российского общества было бы лучше, если бы священноначалие Русской православной церкви признавало и уважало интеллектуалистский путь к Богу, и это уважение передавалось бы каким-то образом клиру.

3. Реальная и возможная роль научной интеллигенции в формировании нейтрального пространства для такого диалога.

Ответ на этот вопрос вытекает из вышесказанного. Таким нейтральным пространством может быть современная православная модификация средневековой католи-

ческой «естественной теологии». Научная интеллигенция должна заниматься тем, чем она может заниматься: продвигать теологию из малодоступной и в практическом плане непродуктивной позиции «ученого незнания» в катафатическое состояние. Что реально делается в этом отношении? Церковно-богословский курс «Апологетика», читаемый в духовных академиях и семинариях на пастырских отделениях, в реальных условиях теологических вузов более широкого или размытого профиля превращается в «научную апологетику» как современную форму естественного богословия. Как правило, читается он людьми с естественно-научным (физическим, математическим и т. п.) образованием, что позволяет говорить на одном языке с аудиторией. Такие курсы давно читаются в МГУ им. Ломоносова, Московском физтехе, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Можно назвать лидеров этого направления, авторов научных и учебных публикаций – это Ю.С. Владимирцов, В.Н. Катасонов, В.П. Лега и многие другие.

Кузин Василий Иванович, кандидат философских наук, проректор Новосибирского государственного театрального института.

1. Как можно оценить отношения церкви и общества в России на современном этапе?

Вначале одно примечание: говоря здесь о церкви, мы имеем в виду русскую православную церковь. Разговор о других религиях требует некоторых поправок.

Для более или менее точного описания взаимоотношений общества и церкви следует, на наш взгляд, различить государство и гражданское общество, а также церковь и религиозное сообщество. Кроме того, есть еще просто граждане и просто верующие индивиды. Взаимодействие различных об-

щественных сил или индивидов осуществляется либо при совпадении целей, либо при взаимной выгоде, взаимной заинтересованности. Во втором случае формы и содержание взаимодействия определяются соотношением сил «высоких договаривающихся сторон». Иначе говоря, степень заинтересованности партнера во взаимодействии с вами определяется вашими ресурсами и возможностями.

Наиболее интенсивное и успешное взаимодействие осуществляется между церковью и государством. Это взаимодействие – пример взаимного интереса. Описания того, зачем нужна церковь государству и зачем нужно государство церкви, составляют одну из самых разработанных тем в философии религии и социологии религии. Нет нужды на них останавливаться. К подробностям этой темы применительно к России сегодняшнего дня можно отнести следующее. Последние десятилетия российской истории относятся к тем периодам, когда осуществляется активный процесс государственного строительства церкви. Государство использует церковь для распространения религиозной идеологии, чтобы, во-первых, заполнить место, освободившееся от коммунистической идеологии, и, во-вторых, чтобы противостоять экстремистским, в том числе религиозным идеологиям. Со своей стороны, церковь получает от государства материальные ресурсы – земли, здания, деньги. Государство дает церкви юридическую основу для реализации ее целей и интересов. Церковь использует организационные ресурсы государства: например, всё возрастающее число церковно-государственных праздников и мероприятий, а также «повышенную лояльность» государственных работников и учреждений по отношению к церкви. Наконец, церковь по-

лучает в распоряжение информационные ресурсы государства. Как сказал митрополит Иларион в телепередаче «Познер»: «Прошедший период – 26-летний – это был период совершенно беспрецедентный в истории нашей церкви. Когда у церкви появилась такая свобода, какой она не имела никогда прежде – ни в советское время, ни даже в дореволюционное время» (эфир от 06.04.2015 г.).

Взаимоотношения церкви и гражданского общества могут относиться как к первому, так и ко второму типу взаимодействия. Примером первого может служить благотворительная деятельность церкви и общественных организаций в сфере заботы о больных людях, о стариках, брошенных детях. Второй тип взаимодействия является собой компромисс, результат борьбы, взаимных уступок и побед. И поскольку, как отмечают многие политологи, сила гражданского общества в России пока невелика, а сила церкви велика и еще возрастает, постольку вполне предсказуем результат их противостояния. Например, недавние конфликты между церковью и различными общественными группами по вопросам искусства наглядно показали, что противоборствующие стороны находятся в разных «весовых категориях», и продемонстрировали подавляющее силовое превосходство церкви. Подобно газообразным веществам, церковь занимает весь отведенный ей «социальный объем». А границы этого объема задает государственная власть.

Надо сказать, что, по оценкам специалистов, сила религиозного сообщества тоже мала. Религиозные организации, видимо, даже больше подчинены официаль-

ной церкви, чем светские общественные организации – государству. Поэтому взаимодействие государства и религиозных общественных организаций тоже не является сколь-нибудь значимым.

2. Возможен ли диалог между церковью и другими социальными группами в современной России?

Да, конечно, такой диалог возможен. Верующие могут вступать в диалог со светскими людьми, причем как в практических, так и в теоретических вопросах, например, рассуждая о тонкостях апофатического богословия или христианском мистицизме. Религиозные общественные организации могут взаимодействовать со светскими общественными организациями, например, курируя какой-либо детский дом или колонию для малолетних преступников. Но все эти диалоги и совместные дела остаются отдельными, частными инициативами и не определяют состояние общества.

3. Реальная и возможная роль научной интеллигенции в формировании нейтрального пространства для такого диалога.

Научная интеллигенция, обладая широкой эрудицией, владея техникой аргументации, имея опыт интеллектуальных дискуссий, возможно, лучше других подготовлена к роли посредника, медиатора, организатора в диалоге церкви и общества. Но этот диалог возможен лишь в условиях действительной силы самого общества. Нам представляется, что обращения ученых к религиозным иерархам оказываются малорезультативными и приносят мало пользы. Так будет, вероятно, и в будущем. А вот усилия ученых, направленные на формирование сильного гражданского общества, могут оказаться очень кстати.

CHURCH AND SOCIETY IN TODAY'S RUSSIA: THE POSSIBILITY OF DIALOGUE

The round table participants discussed a number of interrelated questions: how can we evaluate the relationship between the Church and society in Russia at the present stage? What is causing the obstacles for the dialogue between the Church and other social groups in modern Russia? Is there a possibility for such a dialogue in modern Russian society? What is the actual and possible role of intelligentsia in the formation of a neutral space for such a dialogue? The participants discussed different aspects of the problem: the history of the church and society relations, the problems of these relations at the present stage, the role of the church in the life of modern Russian society, the problem of the dialogue between the Church and atheists. The participants also discussed the burning problems of the Church's participation in the formation and education of youth, issues of influence of the church on the processes of cultural development, the acute problems of the fight between the Orthodox church and religious extremism, the danger of which influence, especially on young people, is often underestimated. In the final analysis, there is a multi-dimensional picture of the relationship between the institution of the Church and civil society represented by different social groups.

Keywords: globalization, the Orthodox Church, civil society, religious movements, intelligentsia.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-156-179